

О.Я. Федоренко

Реализация мотива *путь* в пьесе Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом»

Статья посвящена вариантам воплощения одного из основных мотивов американской литературы — мотива *путь*, в творчестве выдающегося американского драматурга Т. Уильямса. В связи с этим проводится анализ авторских техник, аллюзий и образов, являющихся доказательством присутствия данной категории в структуре произведения.

Ключевые слова: драматургия США; образ; аллюзия; путь к Богу; самоопределение.

Мотив *путь* является неременной составляющей произведений художественной литературы США начиная с XVII в. В первых сочинениях американской словесности (Дж. Смит, У. Брэдфорд, Дж. Эдвардс) возникают образы путешественников, которые прокладывают себе путь в лучшую жизнь, преодолевая воды Атлантического океана. Эти персонажи полны оптимизма и исполнены веры в будущее. Позднее в романах Дж.Ф. Купера и М. Твена возникают образы дороги, пролегающей по бескрайним просторам осваиваемых переселенцами территорий североамериканского континента. В XIX в. сочинения Б. Гарта и Дж. Лондона знакомят читателя с передвижениями золотоискателей по родной стране. В работах Дж. Дос Пассоса и Дж. Стейнбека, писателей XX в., появляются герои, отправившиеся на поиски лучших условий жизни. Именно наличие мотива *путь* в произведениях упомянутых авторов явилось основанием для отечественного литературоведа Е.А. Стеценко назвать американцев нацией, которая находится «всегда в пути» [5].

Подобную потребность на протяжении нескольких веков изображать становление формирующейся нации, ее движение и динамику, подчеркивая частую смену места жительства, можно во многом объяснить тем фактом, что жители США исторически воспринимают себя как людей,двигающихся по определенному пути, который был указан им Создателем, и до сих пор полагают, что они выполняют своеобразную миссию перед Всевышним. Так, в статье «Истоки лейтмотива *wilderness* в американской литературе» К.М. Баранова отмечает: «Имея стремление во что бы то ни стало выполнить возложенное на них Господом поручение <...>, колонисты не стали роптать, что попали на суровые берега, но прониклись благодарностью к Всевышнему за спасение. Вдохновляемые осознанием своей избранности и особой миссии, они направили все силы на преобразование той земли, на которой оказались»

[3: с. 21]. По мнению В.С. Машошиной, «метафора дороги, как сухопутной, так и морской, находит многократное отражение в национальной литературе США. Таким образом, варьируясь и видоизменяясь, идея странствий, путешествий прочно закрепляется в самосознании американцев» [4: с. 60].

Мотив *путь* приобретает особое звучание в пьесе американского драматурга Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом» («Suddenly Last Summer», 1958). Но, в отличие от указанных выше произведений, реализация анализируемого мотива осуществляется автором иначе. Данный мотив воспринимается через образ главного героя сочинения Себастьяна Винэбла (Sebastian Venable), с которым читатель знакомится через восприятие близких ему женщин: матери (Mrs Venable) и кузины Кэтрин (Catharine). Обе они по ходу пьесы рассказывают о разных этапах жизненного пути героя. Помимо упомянутых героинь, в пьесе присутствуют и другие действующие лица: мать Кэтрин миссис Холли (Mrs Holly), брат девушки Джордж (George), доктор Цукрович (Cukrowicz). Сюжет пьесы строится вокруг неожиданной смерти Себастьяна Винэбла, который погибает при загадочных обстоятельствах в небольшой мексиканской деревушке, куда они с Кэтрин приехали на отдых.

По ходу повествования читателю становится известно о том, что интересы доктора, миссис Холли и Джорджа во многом совпадают и касаются преимущественно денег, которые они намереваются получить у горюющей о потере сына матери. Однако Кэтрин, которая является одним из немногочисленных свидетелей смерти молодого человека, занимает особую позицию в вопросе раздела имущества. Выяснение причин смерти Себастьяна во многом базируется на показаниях девушки. Тем не менее ее рассказ о печальном событии, произошедшем прошлым летом, когда герой прервал свой жизненный путь, полон намеков и неточностей. В определенной степени он бросает тень на репутацию покойного. Этот факт, вне всякого сомнения, огорчает его скорбящую мать, которая и без того настроена против Кэтрин и винит ее в несчастьях, постигших ее сына. Однако не только смерть главного героя, но и его жизнь представляется читателю загадочной и вряд ли может поддаться простому объяснению.

Себастьян — творческая личность, поэт, с присущими ему свободолобием, независимостью, потребностью меняться и развиваться. Думается, что именно это помогает любому художнику сохранять свежесть ощущений, не терять чувство ритма жизни, что способствует возникновению вдохновения. Данные качества помогали Себастьяну создавать свои творения: «Sebastian was a poet! That's what I meant when I said his life was his work because the work of a poet is the life of a poet and — vice versa <...> I mean you can't separate them» [2: p. 102]. Такими словами описала миссис Винэбл жизненный путь своего сына, для которого процесс создания произведений искусства был основой его существования.

Немного позже пожилая дама заявляет, что они с Себастьяном выстраивали свою жизнь день за днем как скульпторы: «My son, Sebastian, and I constructed our days, each day, we would — carve out each day of our lives like a piece

of sculpture. — Yes, we left behind us a trail of days like a gallery of sculpture!» [2: p. 111]. Возможно, в подобных попытках запечатлеть свою жизнь, а также держать под контролем все происходящее можно усмотреть явную потребность художника четко и планомерно двигаться к поставленной цели. К этому при жизни неуклонно стремился главный герой пьесы. Очевидно и то, что, облекая результаты своих поисков в поэтические строчки, Себастьян стремился осознать свой путь в жизни, определить собственное место в мире и как личности, и как творца. Иными словами, поиски смысла жизни для протагониста — это в большой степени путь к пониманию собственного «Я».

Одной из центральных идей пьесы, смыслом многих лет жизни героя становится также путь к Богу. В пьесе нет конкретных пояснений по поводу позиции Себастьяна в отношении религии в юные годы. Однако жизнь повзрослевшего мужчины предстает как бесконечный путь обретения веры. Читателю становится известно об этом из разговора матери протагониста с доктором Цукровичем, который сопровождает пожилую даму во время прогулки по саду, созданному некогда самим Себастьяном. Не сразу решается несчастная женщина поделиться сокровенными мыслями со своим спутником. Но в определенный момент беседы она признается, что ее сын на протяжении долгого времени пытался обрести веру: «I can tell you without any hesitation that my son was looking for God, I mean for a clear image of him» [2: p. 107]. Это признание госпожа Винэбл делает при упоминании об их совместной с Себастьяном поездке на Галапагосские острова. Там юноша наблюдал за появлением на свет черепашек, которые, стоило им только вылупиться из яиц, поспешно устремлялись к морю, спасаясь от кружащих над ними диких плотоядных птиц.

По словам матери, эта сцена произвела довольно гнетущее впечатление на юношу. В ней главный герой усмотрел определенное проявление суровости Господа к живущим на земле: «He meant that God shows a savage face to people and shouts some fierce things at them, it's all we see or hear of Him» [Там же]. Для протагониста данный эпизод из жизни животных послужил своего рода отражением отнюдь не благостного лика Создателя, обращенного на сотворенных им существ, которые в реальной жизни (будь то люди или животные) время от времени подвергаются всевозможным испытаниям. Эпитеты *clear* и *savage* в словосочетаниях *clear image* и *savage face*, употребленные миссис Винэбл в отношении Всевышнего, намеренно введены в текст пьесы автором. Думается, что они символизируют двунаправленность отношения Господа к своим созданиям. Это, с одной стороны, всепонимающий, любящий своих чад Создатель, готовый простить им определенные проступки, а с другой — это суровый, но справедливый Отец, карающий их за содеянные прегрешения. Таким образом, используемое в тексте пьесы сочетание *clear image* не является описанием безукоризненного образа. Это скорее истинно правдивый, лишенный фальши образ Спасителя с оправданно присущими ему элементами суровости.

Из сказанного можно сделать вывод, что целью исканий главного героя пьесы становится прежде всего Господь. Тем не менее, обретая путь к Всевышнему, Себастьян одновременно ищет и свой собственный путь в жизни. Соответственно в анализируемом сочинении усматривается и упоминаемая выше двунаправленность поиска. Это, на наш взгляд, подразумевает как обретение веры, так и поиски своего внутреннего «Я», т. е. это своеобразный путь к себе, или, иными словами, некий процесс самопознания и самоопределения.

Богоискания Себастьяна вызывают несомненные опасения у его кузины Кэтрин, которая наблюдает за постоянными переменами в душе героя. В разговоре с доктором девушка поясняет, что она пыталась спасти близкого ей человека от возможного саморазрушения в угоду Господу, чтобы показать, как сильно она его любит: «I tried to save him, Doctor <...> Completing! – a sort of! – image! – he had of himself as a sort of! – sacrifice to a! – terrible sort of a – <...> cruel one [God], Doctor!» [2: p. 131]. Кузина Себастьяна видит в постоянных поисках молодого человека не только путь к вере, но и нечто иное. Возможно, это движение в сторону гибели, ведь из приведенной цитаты следует, что Себастьян ассоциирует себя с жертвой, которую можно и необходимо принести Создателю. Данный факт можно рассматривать как аллюзию к тем временам, когда, поклоняясь языческим богам и обращаясь к ним с просьбой о милости, люди отправляли на смерть животных и своих соплеменников. Это также своеобразная отсылка к жизни ветхозаветных персонажей, например, Каина и Авеля. Так, в Библии говорится: «И был Абель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Абель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» [1: Быт. 4:2–6]. Не менее показателен пример и с Авраамом, о чем в Библии имеется следующее упоминание: «И явился Господь Авраму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал он там жертвенник Господу, Который явился ему» [1: Быт. 12:7].

Отметим, однако, что отнюдь не поисками протагониста своего пути к Богу можно объяснить тот факт, что Себастьян показан в пьесе в определенной степени «человеком без возраста». При этом данную характеристику можно интерпретировать двояко. С одной стороны, из текста пьесы читатель так и не узнает, сколько лет герою было на момент смерти. Единственное, о чем нам становится известно, так это то, что и он, и его мать были достаточно молоды: «Both of us were young, and stayed young» [2: p. 109]. Вполне вероятно, что под этим пожилая леди подразумевает молодость духа. Можно предположить, что автор намеренно не уточняет возраст своего героя, чтобы подчеркнуть по-юношески беззаботный характер образа жизни, которому долгое время следует главный герой.

С другой стороны, как замечает миссис Винэбл, время было не властно над ее сыном. Он не подвергался обязательному для всех людей процессу

старения. Доказывая этот факт, женщина показывает доктору две фотографии, сделанные с перерывом в двадцать лет. На них Себастьян в костюме ренессансного мальчика-пажа запечатлен во время двух маскарадов, один из которых происходил в Каннах, а другой в Венеции. По убеждению матери, время не изменило ее сына. Изображенные на обоих снимках юноши ничем не отличаются в плане возраста, а ведь на втором снимке Себастьян значительно старше. Эта особенность протагониста показывает, что на пути к зрелости он так и не завершил необходимый этап взросления. Пытаясь найти свое собственное «Я», герой хочет пройти путь самоопределения, но не достигает финальной ступени на пути своего становления.

Тем не менее, вопреки мнению матери о вечной юности сына, его кузина Кэтрин замечает, что в определенный момент Себастьян вдруг неожиданно перестал быть молодым. Она даже точно указывает, когда это произошло: «All I know is that suddenly, last summer, he wasn't young any more, and we went to Cabeza de Lobo, and he suddenly switched from the evenings to the beach <...> that's named for Sebastian's name saint, it's known as La Playa San Sebastian, and that's where we started spending all afternoon, every day» [2: p. 139]. Анализируя слова Кэтрин, можно заключить, что тем летом в душе героя что-то резко изменилось. Он прекратил посещать фешенебельные вечеринки. Все его внимание оказалось прикованным к пляжу, названному в честь святого Себастьяна, тезки главного героя.

Выбор именно этого имени и аллюзия к образу христианского святого, безусловно, не случайны. Как известно, святой Себастьян неоднократно принимал мучения за христианскую веру. Будучи жителем языческого Рима, юноша был обязан отречься от Создателя, в противном случае его ждала смерть. Однако, верный Всевышнему, он не мог поступиться своими религиозными убеждениями, осознанно выбрал пытки и погиб. Соответственно святой предстает в образе мученика, готового принести свою жизнь в жертву и как бы положить ее на алтарь веры.

По мнению Кэтрин, Себастьян тоже принес себя в жертву. И в этом смысле можно говорить о наличии параллели, своеобразного связующего звена между двумя Себастьянами. Однако, если жертва святого понятна и оправданна, то поведение протагониста пьесы скорее вызывает недоумение. Перед читателем встает вопрос, ради чего он отдал себя на растерзание толпе бездомных подростков.

Себастьян завершает свой жизненный путь, убегая от голодных разъяренных детей, жертвой которых он становится. В определенной степени это напоминает путь маленьких новорожденных черепашек к морю, многие из которых погибают в когтях хищных птиц.

Поиски Господа и собственного пути завершаются гибелью героя. Финал пьесы полон недосказанностей и вопросов без ответов: во имя чего принесена жертва? Почему герой, предвидя собственную гибель, бросился вперед к полубезумевшим подросткам? В чем обретение собственного «Я» протагониста?

Неопределенность завершающей сцены пьесы может быть проинтерпретирована как прерванный путь героя в обоих аспектах его поисков, ни один из которых Себастьян так и не довел до конца.

Таким образом, проведя анализ пьесы Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом», мы можем сделать вывод о том, что мотив *путь* в этом сочинении актуализируется в двух вариантах: 1) путь к Богу, поиск Всевышнего, и 2) путь к самому себе. Данный факт свидетельствует о том, что по своей сложности и значимости анализируемый мотив выходит за рамки простого мотива. На наш взгляд, его следует рассматривать как лейтмотив, осевой компонент произведения, фундамент построения пьесы как на структурном, так и на смысловом уровнях.

Библиографический список

Источники

1. Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bibleonline.ru> (дата обращения: 14.11.2016).
2. *Williams T.* Plays. New York: Library of America, 2000. 975 p.

Литература

3. *Баранова К.М.* Истоки лейтмотива wilderness в американской литературе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1 (5). С. 17–23.
4. *Машошина В.С.* Библейские концепты в романе-притче Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 58–66.
5. *Стеценко Е.А.* История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1996. 312 с.

References

Istochniki

1. Bibliya [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.bibleonline.ru> (data obrashheniya: 14.11.2016).
2. *Williams T.* Plays. New York: Library of America, 2000. 975 p.

Literatura

3. *Baranova K.M.* Istoki lejtmotiva wilderness v amerikanskoj literature // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 17–23.
4. *Mashoshina V.S.* Biblejskie koncepty' v romane-pritche G. Melvilla «Mobi Dik, ili Bely'j Kit» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 58–66.
5. *Stecenko E.A.* Istoriya, napisannaya v puti... (Zapiski i knigi puteshestvij v amerikanskoj literature XVII–XIX vv.). M.: IMLI RAN, Nasledie, 1996. 312 s.

O.Ya. Fedorenko

**Implementation of the Motif of *Way*
in the Play by T. Williams «Suddenly Last Summer»**

The article deals with the variants of realization of one of the main motives of American literature, the motive of *way*, in the work by the outstanding American playwright T. Williams. In this regard, analyzing the author's techniques, allusions and symbols contributes to the evidence of the presence of the mentioned category in the structure of the play.

Keywords: American drama; image; allusion; way to God; self-determination.